

27. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.34.
28. Великая Русская революция: от Февраля к Октябрю. Круглый стол, посвящённый 90-летию Февральской революции 1917 года // Альтернативы. 2007. № 2.
29. Шестов Л. Что такое русский большевизм? Берлин, 1920.
30. Октябрь для нас, для России и всего мира / [http:// www.alternativy.ru](http://www.alternativy.ru)
31. Наполитано Джорджо. Социализм будущего // Социализм будущего. Журнал политических дебатов. Том 1, №1, 1990.

Демократия и революция

*Рубинчик-Александрова М.П.,
журналист (ФРГ)*

На первый взгляд, данные понятия представляются противоречащими друг другу, ведь революция – это насилие, смена классов, которая не обходится без диктата. С другой стороны, демократия – это власть народа, а именно в революцию народ выходит на авансцену истории и становится её творцом. Если посмотреть исторически на движение социального прогресса, то после революций, обозначающих смену общественно-экономических формаций, несмотря на реставрации, «низы» постепенно отвоёвывают некоторые права у «верхов». При контрреволюциях, в основном, наблюдается откат, пора социального «зигзага».

Неслучайно модификации парламентско-президентской системы, родившейся в результате буржуазных революций, которые получили в мире распространение после того, как буржуазия стала правящим классом, называются демократиями. Это дань «низам», хотя буржуазная демократия всё больше и больше приобретает черты элитократии, с помощью манипулирования мнением населения. Если спросить неolibералов, есть ли необходимость в расширении демократических институтов в пользу непосредственного и подлинного народовластия, то они ответят отрицательно. Недаром же до сих пор почитаемый ими российский лидер Б.Ельцин расстрелял Дом Советов в 1993 году.

Известно, что Советы в качестве новой формы демократии появились на свет стихийно, «снизу», в период Первой русской революции 1905 г. и сразу же возродились в феврале 1917 года. В постановлении Петросовета №1 был пункт о

том, что «распоряжения Думского комитета должны исполняться постольку, поскольку они не противоречат постановлениям Советов». Это привело в восторг находящегося в эмиграции Ленина: создан Комитет революционного надзора за правительством! Особая всё же у нас была «буржуазно-демократическая» революция...

Посмотрим, как высказывались на этот счёт царские генералы и буржуазные деятели. Генерал Лукомский сообщал генералу Каледину: «Власть перешла в руки рабочих, к коим присоединились и представители революционных войск, и таким образом, основался союз рабочих и солдатских депутатов, к которым за присоединением заводов, работающих на оборону, всех железных дорог, почты и телеграфа перешла фактически власть по управлению страной». «Временное правительство не имеет первое время своего существования под руками никакой силы».

Заметим, что бессилие было свойственно Временному правительству и в последний период его существования, несмотря на все попытки «укрепить» министров-капиталистов участием в правительстве эсеров, репрессивными мерами и т.д. Принимать какие-либо «решительные меры» против Советов, по мнению того же царского генерала, было бы «крайним абсурдом со стороны Временного правительства. Можно погубить всё».

Буквально теми же словами разъясняет положение вещей военный министр А.Гучков руководителю Ставки генералу Алексееву: **Необходимо «отбросить иллюзии», «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих депутатов, который и располагает важнейшими элементами реальной власти, т.к. войска, железные дороги и телеграф были в его руках»**

«Нельзя было допускать большевистского переворота», «надо было остановиться в феврале семнадцатого года после отречения «слабого царя», - кликушествовали в конце XX века интеллектуалы из бывшей «советской элиты», обеспечивая идеологическое обслуживание буржуазной реставрации. Они же в октябре 1993 года призывали своего президента: «раздавите гадину», т.е. казните Советскую власть вместе с её носителями...

Однако представители буржуазной кадетской партии в 1917 году вряд ли бы согласились с нынешними «знатоками» отечественной истории. Кадеты надеялись поправить своё проигрышное положение после Февраля. И кое-что им на том поприще удалось: получить союзников в лице эсеров и меньшевиков. Займать мощную поддержку, в том числе и громадные денежные вливания со стороны Запада. Иначе не было бы тяжёлой гражданской войны и прямой интервенции многих капиталистических государств.

И всё таки – почему российская буржуазия не смогла возглавить вроде бы собственную, «буржуазно-демократическую» революцию? Попробуем посмотреть с другой стороны: а была ли она заинтересована вообще в революции? Основные проблемы страны состояли, как известно, в заключении мира, т.е. выходе из

империалистической бойни и решении земельного вопроса в пользу крестьян. Что касается требований 8-часового рабочего дня и рабочего контроля на производстве, то надо ли говорить, насколько они были капиталистам поперёк горла!

Зададимся вопросом: нужен ли был буржуазии выход из войны, когда её наживу на военных поставках и финансовых спекуляциях иначе как «лихвенной» современники не называли? «Ни дня без войны» - можно считать лозунгом империализма теперь, когда самые выгодные сделки заключаются на продаже оружия. Когда новые сферы влияния супят новую большую прибыль! Также было и в период Первой мировой войны. Иначе бы она не началась. Любопытно, что в немецком языке понятия воевать и добывать означены одним словом : kriegен. Это указывает на происхождение и цели войн, начиная с древних времён.

С так называемым «чёрным переделом» во время революции дело обстоит сложнее. Начнём с того, что капиталистический строй устанавливался во многих странах мира вслед за передовыми государствами вообще без революций. Судя по всему, не стала исключением из данного правила и Россия. Революционную ситуацию здесь погасили реформы 1861 года: отмена крепостного права, судебные и земские установления. Далее Столыпинская аграрная политика и образование царской Думы после поражения революции 1905г. способствовали становлению российского капитализма.

Поскольку реформы проводились сверху, царскими указами, они неизбежно носили половинчатый, урезанный характер, оставляя место для существенных феодальных пережитков , в особенности, в форме государственного управления и в помещичьем землевладении. Но ведь новый общественный строй не возникает на «чистой доске», поэтому и несёт в себе пережитки прежних формаций. Тем более, если радикальные перемены произошли без очистительной бури революции, зачастую даже забегающей вперёд.

Что касается формы правления, то разве самодержавная диктатура буржуазии чужда? Она её приветствует, поелику диктатура служит интересам капитала. В. Ленин доказал в своей книге «Развитие капитализма в России», что буржуазные порядки в стране вполне утвердились к началу XX века. Отметим, что помещичья земля к началу революции чуть ли не на 90 процентов была заложена и перезаложена в банках. Конфискация латифундий у помещиков означала для буржуазии - «плакали ваши денежки». Тем более, что она давно уже роднилась с дворянством семейными узами. Насчёт формы правления откровеннее всех выразился в своём докладе на 7 съезде партии кадетов в марте 1917г. член ЦК Ф.Кокошкин: **монархия или республика – вопрос не принципа, а «политической целесообразности»...**

Ныне некоторые учёные находят в чертах империалистической глобализации, в особенности, в так называемом периферийном капитализме, в разъедающей общество коррупции, в существовании мафиозно-криминальных кланов - черты некоего неофеодализма. Трубадуры капиталистической реставрации на постсоветском пространстве объясняют нам, неразумным, что государственная

собственность на землю и природные ресурсы, а также социальные гарантии гражданам являются пережитками «ужасного» социализма. Им, что называется, виднее. А прежде исследователи считали, когда капитализм ещё имел прогрессивный потенциал, что развитие капиталистических отношений, тем более буржуазная революция, должны обязательно привести к ликвидации монархии, к всеобщей механизации и вытеснению примитивного производства, к уничтожению феодальных пережитков.

Однако исторический опыт показывает диалектику процесса. Национализация земли, «государство образующие» монополии в виде топливно-энергетического комплекса, массовых коммуникаций и т.д.; плановое регулирование рынка, социальные гарантии представляют собой не что иное, как элементы более высокой, нарождающейся формации в утвердившемся социуме. Поскольку, повторим ещё раз, стерильных общественно-экономических формаций не бывает.

Почему же Временное правительство в 1917 году медлило с созывом Учредительного собрания, которое официоз лгтивно называл «Хозяином земли русской»? Свидетельствует бывший министр, эсер В.Чернов: «В наших «государственно-мыслящих сферах» немалую силу имела тайная мысль, что лучше бы с созывом Учредительного собрания подождать конца войны». В.Д. Набоков: «Если бы Временное правительство чувствовало подлинную, реальную силу, оно могло бы сразу объявить, что созыв Учредительного собрания произойдёт после окончания войны». А когда война может кончиться, тоже никто не знал.

Удивляться ли приходится повторяемым, как заклинание, словам о бессилии буржуазии, по её же собственному мнению, в так называемой буржуазной революции в России ? Удивляться ли надо тому обстоятельству , что прохождение выборов в «Учредилку» по нарезанным правительством Керенского округам, дало кадетам всего пять процентов голосов? В городах за большевистский список №5 проголосовало от тридцати до шестидесяти процентов избирателей. В деревне, где проживало тогда большинство населения, победили эсеры, по поводу которых крестьяне ещё не успели разобраться: где левые, где правые. В сущности, победила эсеровская программа, которую вскоре осуществили большевики.

Поразительно, что миф о «разгоне Учредилки» до сих пор поддерживают и левые, и правые. На самом деле, имел место вполне законный роспуск. Должно было быть 735 депутатов плюс восемьдесят от фронта. Из-за военного противостояния в выборах не участвовали Урал, Северный Кавказ, Средняя Азия, Бессарабия, Западная Украина, оккупированная немцами часть Прибалтики. Мандаты получили 715 депутатов. В ноябре из-за отсутствия кворума открытие было перенесено на 5 января 1918 года. Было зарегистрировано 463 участников, остальные не приехали. Мандатной комиссии создано не было, что само по себе было серьёзным упущением.

После отказа большинства собравшихся утвердить Советские декреты о мире и земле, а также и Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, большевики и левые эсеры покинули собрание. Оно лишилось кворума. **В принятом**

постановлении ВЦИКом Советов о роспуске «Учредилки» говорилось о неправомерности «оставшейся части» собрания. В это же время шёл Съезд Советов, насчитывавший более двух тысяч представителей страны. Туда были приглашены для участия депутаты Учредительного собрания. В дальнейшем, по решению съезда, меньшевики и эсеры были кооптированы в состав ВЦИКА и участвовали в поимённом голосовании о Брестском мире.

Неолиберализм – принципиальный противник системы Советов. Ссылаются идеологи буржуазии на недостаточную компетентность граждан в искусстве управления, на необходимость профессионализма, специальной подготовки для осуществления властных полномочий в современном усложнившемся мире. Да, сегодняшняя демократия несовершенна, согласятся они, но даже самая плохая демократия лучше хорошей диктатуры. Поэтому всерьёз приводят в качестве образца правление в США – «мировом жандарме», с их партиями- близнецами и верховенством президентской власти.

Между тем, там, где вертикаль реальной власти возглавляет президент, трудно говорить о парламентской демократии. Новейшая история стран СНГ ясно говорит об авторитарной сущности воцарившихся после развала СССР режимов. Характерно, что один из российских глашатаев неолиберализма, Л. Радзиховский в одном из интервью каналу RTVY в ноябре 2007 г. воспринял намёк на превращение России в парламентскую республику как неминуемую катастрофу. Отчего же так? Разумеется, партия «Единая Россия» - не подарок, и от её большинства в Думе хорошего ждать не приходится. Но на будущих перевыборах может победить и другая партия, более прогрессивная.

Почему же ревнители свобод так боятся развития парламентаризма в России, т.е. зависимости исполнительной власти от законодательной, а не наоборот, по Ельцинской конституции, что превращает исполнительную власть просто-напросто в распорядительную? Не потому ли парламентаризм в СНГ либералам не нужен, что с одной авторитарной личностью управиться политико-экономической «элите» легче, чем с целым собранием разных депутатов? Да и открытое обсуждение, и голосование в парламенте – всё-таки иное дело, чем закулисные, для кого-то конкретно выгодные договорённости в ущерб интересам населения. Возможно, и США представляют нам себя в качестве образца демократии из-за того, что президент там мало считается с мнением конгресса, как мы видим.

Однако же ответить на безудержное восхваление в СМИ нынешних свобод простым несогласием было бы недостаточно. Истинной оппозиции политические свободы нужны. И гражданам они необходимы. Поэтому нет смысла тем, кто разочаровался в буржуазной демократии, взывать к культу харизматической личности либо утверждать анархию в качестве «матери порядка». Великая русская революция семнадцатого года показала неприемлемость практики анархизма, обернувшейся бандитизмом. И практика реального социализма предупредила об опасности тирании в определённые годы.

Нельзя отрицать достижения демократий прошлого, в том числе и греческой, прямой демократии и представительства в буржуазном парламентаризме евроатлантического толка. Но их явная недостаточность для движения человечества вперёд также очевидна. Превращаясь в элитократию, современная демократия больше разъединяет народы, чем их соединяет. Опираясь на экономическую власть крупного капитала, и обслуживая его интересы, она нередко сменяется открытой диктатурой, в том числе и военной, как это было, например, в Латинской Америке. Придуманно социологами даже слово – демократура, для определения марионеточных, авторитарных режимов в странах «третьего мира», зависимых от «более равных» лидеров капиталистической глобализации.

Опыт даётся только опытом, и Великая русская революция ответила реально на вызов истории относительно движения к настоящему народоправству. Она создала СОВЕТЫ. Когда в прежних учебниках истории писалось о триумфальном шествии советской власти по стране во время революции, то это было чистой правдой. Показательно, что эсеры и меньшевики, составлявшие большинство в первых, созданных в марте семнадцатого года Советах, рассматривали их в качестве строительных лесов для построения «нормальной» парламентской демократии.

Революционные же массы сначала выдвинули, а потом и осуществили лозунг «Вся власть Советам!». Этот факт свидетельствует **об едином, последовательном движении от Февраля к Октябрю и о том, что в целом нашу революцию скорее всего надо бы определить как первичную социалистическую.**

Революционные Советы были сильны и непобедимы, и попытки отвоевать у них власть после практически бескровного Октября со стороны «белых», опиравшихся на помощь и прямую иностранную интервенцию 14 государств, завершились полным разгромом контрреволюции. О дальнейшей эволюции Советов, об их сущностных чертах, будет разговор в дальнейшем, а теперь позволю себе сделать некоторое отступление.

Существует много различных трактовок социализма. Некоторые учёные левого направления, основываясь на статьях Д. Лукача, разделяют «механистическую» версию и «культурологическую». Сторонники «культуризма» в социализме не отличают двух фаз общественного развития в коммунизме, не хотят знать ни о каком «переходном периоде». Автор данных строк тоже воспринимает «коммунизм как культуру». Мне по душе подобная позиция. Умная, спокойная.

Тем более, что действительно можно назвать «механистичным» подход к новому социуму как единой фабрике, чем грешили Каутский и Ленин в начале революционного процесса или как к полностью глобализированному человечеству, чем грешат ныне сторонники всеобщего «обобществления» в транснациональных корпорациях. Глобализация, конечно же, уплотняет и унифицирует планету, перешагивая через национальные границы, которые представляются особенно противостественными в бывшем СССР. Но в империалистическом обличье

глобализация настолько же и противопоставляет народы друг другу, проводя в жизнь культ силы, откровенно третирруя слабых - «изгоев».

И всё же, всё же, всё же... Даже наш, в конце концов разваленный, государственный, первичный, ранний, мутантный социализм невозможно назвать «механистичным». Слишком уж он кардинально изменил мироустройство на планете, слишком много вызвал энтузиазма, мучительных поисков истины в запутанных действительных противоречиях и жертв... Троцкий, один из самых решительных вождей революции и героической гражданской войны, «вдруг» предлагает переход к НЭПу, т.е. к многоукладной экономике от неудавшегося «военного коммунизма». Ленин в одной из последних статей говорит о перемене точки зрения на социализм. И предлагает, кроме культурной работы, в качестве критерия социалистичности - «строй цивилизованных кооператоров». Не отменяя, разумеется, знаменитой формулы: «Советская власть плюс электрификация страны».

Осуществились ли начертания вождей? И да, и нет. НЭП был оборван «годом великого перелома», коллективная собственность и новая, советская форма правления были заявлены, но не стали таковыми по существу. Почему? А стоит ли задаваться подобным вопросом, если главное в социализме – распространение культуры ? Стоит ли обращать внимание высоколобых интеллектуалов на такие «мелочи жизни», как право трудящихся на сокращение рабочего дня и охрану труда, бесплатное лечение, достойное пенсионное обеспечение, уровень детских пособий и доступное образование для молодёжи ? Нетрудно посчитать эти жгучие проблемы «низкой прозой бытия» так же, как и производственные отношения, между хозяином и наёмным работником, которые являются одним из главных составляющих экономического базиса социума.

Нашему «реальному социализму» отказывают в социалистичности, видя в нём осуществление госкапитализма. Но ведь капиталистический рынок невозможен без купли-продажи всего и вся. А могла ли вроде бы всесильная партноменклатура приобрести в личное пользование или продать завод, имение, телеканал? Стоит попробовать спросить современного рабочего, находит ли он разницу между статусом директора-менеджера и хозяином предприятия, который может его перепродать и вообще объявить сотрудникам покаут?

Вот Чубайса можно назвать госкапиталистом, когда он стал распродавать алчные руки «избранного круга» национальное достояние. И не может «реформатор» успокоиться, пока не разрежет на приватные куски единую электросистему страны со всеми вытекающими отсюда последствиями: взвинчиванием тарифов, перманентными авариями и отключениями энергии от вымерзающих городов и весей... Да разве один Чубайс продаёт общенародную собственность «распивочно и на вынос»? Вот он, звериный оскал настоящего госкапитализма!

Если отношения между властвующими и подвластными в любом обществе органичны, а попытки сознательного управления социумом для блага всех граждан обречены на неудачи, то единственная возможность благоденствия, «тропы из утопии» заключена в обязательном компромиссе, «общественном договоре», о

котором писал ещё Ж.Ж. Руссо. Так считают теоретики школы «конфликтологии» в социологии, одним из главных представителей которой является Р. Дарендорф. Вслед за своим учителем, К. Поппером, он выводит отношения господства не из разделения труда, как это делают экономисты, но из «понятий и норм», сложившихся в социуме. В результате, властные полномочия «элиты» мистифицируются.

Впрочем, стоит выйти на улицы мегаполисов из кабинета учёного, как сталкиваешься с множеством асоциальных явлений, с бомжами, нищими, проститутками, ворами и беспризорными детьми. Да и нажатие кнопки телевизионного пульта побуждает вас отрицать какую бы то ни было прочность в пресловутом «общественном договоре», если он на самом деле существует. Каждый день на голубом экране видим волны забастовок, стычки демонстрантов с полицией, террористические акты и заказные убийства в разных уголках земного шара. И кровь, кровь, кровь... «Покой нам только снится» /А.Блок/.

В катастрофической ситуации 1917 года в Российской империи и в кайзеровской Германии 1918 года народ сказал своей «элите» - баста и организовал собственные формы политического управления. В Германии революция была разгромлена, в России победила. Родился великий, сравнительно долговременный, разнообразный ОПЫТ с его позитивными и негативными чертами. Прежде всего, ОПЫТ показал: новая система, чтобы быть по-настоящему крепкой, должна быть **целостной**, а не двойственной, как об этом предупреждал ещё Троцкий в своей книге «Проданная революция».

Рабоче-крестьянское государство с одной стороны, и с другой - номенклатурно-бюрократическое, не имеет прочного политико-экономического фундамента. И действительно гигантская, проведённая в стране культурная работа не смогла помочь. Разрушение Советского Союза стало трагедией для миллионов людей во всём мире. После свершившейся контрреволюции возник однополярный мир с реакционной гегемонией США и НАТО. Неолиберальные реформы в разных странах на поверку оказываются наступлением на социальные завоевания трудящихся, делают бездонной пропасть между богатыми и бедными в так называемых «развивающихся», а конкретно деградирующих территориях.

И недаром аналитики называют нашествие унифицированной поп-культуры пропагандой варварства, насилия, жестокости и распада этических норм. Искусство чистой пробы как предмет роскоши предназначено для изощрённой и обеспеченной публики, а для народа – опиум в прямом и переносном смысле слова. Так что ожидать распространения в массах высокой культуры при капиталистической эволюции не приходится. **Лишь целостный социалистический строй, включающий в себя политико-экономическую основу и культурную составляющую, сможет стать мостом из «царства необходимости» в «царство свободы».**

Однако в «розовеющих» ныне некоторых странах Латинской Америки ставится задача построить социализм ХХ1 века. Что это означает? Развернуть окультуривание населения? Не только. Одной из насущных проблем признаётся развитие базисной демократии. И тогда в Венесуэле и Бразилии, например, на

местном уровне рождаются образования типа Советов. Стало быть, снова востребована данная модель народовластия, востребован советский опыт.

Тут возникает сакраментальный вопрос: отчего в революционный период Советы были сильны и непобедимы, а после гражданской войны сдали свои самостоятельные позиции. Ответ известен: виновата сложившаяся в СССР однопартийная система и необходимость мобилизационной экономики. Заметим, что не Советский строй внутри себя произвёл на свет диктаторский режим, а для утверждения монополии на власть понадобилась внеконституционная политическая структура, а именно ВКП /б/ - КПСС.

Впрочем, на местном уровне Советы в некоторых своих чертах сохранили рождённый революцией генотип широкого участия населения в организации конкретного быта граждан. Вспомним роль депутатских комиссий в жилищном строительстве, организации здравоохранения, сферы услуг, в осуществлении программы всеобщего образования и распространения образцов культуры. Не говоря уже о том, что после тридцатых годов нельзя было и представить, чтобы в Стране Советов были миллионы беспризорных детей.

Тем не менее, можно поставить ещё один тяжёлый вопрос: разве во время перестройки в середине восьмидесятых годов не было у нас шанса на возрождение подлинной советской демократии? Придётся здесь вспомнить о требуемой целостности нового строя, об его экономическом базисе. К несчастью, не культивировалась в Союзе по-настоящему производственная демократия, не стала основой производства коллективная собственность с самоуправлением трудящихся / при нужной многоукладности экономики, включающей в себя и «командные высоты» за государством, и трудового, «неотчуждённого» частника/. В то же время часть номенклатурной «элиты», вкупе с тeneвым криминалом, жаждала присвокупить к власти и «священную и неприкосновенную», крупную частную собственность.

Не было преодолено отчуждение народа от продуктов своего труда и от самостоятельной организации работы и жизни, потому и не удалось избежать контрреволюции. «Переходная фаза» потому так и называется, что возможен переход вперёд и откат назад. Итак, проблема конкретного строительства новой жизни формулируется следующим образом: удастся ли построить народовластие в условиях «осаждённой крепости» при строительстве социализма? Удастся ли проплыть между Сциллой реакционного поражения и Харибдой диктаторского режима?

Разумеется, стабильную демократию участия невозможно осуществить одним махом, «декретом» с сегодня на завтра. Нельзя не учитывать и «переходную фазу», при которой ещё сохраняется общественное разделение труда, с ним и товарно-денежный обмен, закон стоимости, т. е. рыночного спроса и предложения. Хотя социальное рыночное хозяйство требует ограничения стихии, обязательного денежного регулирования. Но без подлинного народовластия человечество скатывается к варварству и балансирует на грани самоуничтожения. Необходимо распределение организационного труда на всех членов общества, хотя профессионализм и квалификация должны сохраниться.

Таким образом, целью политического управления должно быть сочетание каждодневной работы профессионалов-управленцев в исполнительных комитетах и законотворчество людей производительного труда и систем жизнеобеспечения, которые принимают решения. Такой моделью являются Советы – «работающая корпорация». /Нечто похожее мы видим в суде присяжных, где гражданами выносятся вердикт, а судья, прокурор и адвокат – профессиональные юристы/.

Является ли отличительной чертой Советской модели то, что в революционных органах власти участвовало не всё население? Без сомнения, нет. Этот признак временный, преходящий. Является ли отличительной чертой модели однопартийная система / «блок коммунистов и беспартийных»/, которая сложилась в СССР после гражданской войны и способствовала негативной эволюции Советской власти, подчинённой Политбюро ЦК КПСС? Нет, не является. Ведь в революционные Советы проводились многопартийные выборы на альтернативной основе, и в них были представлены все тогдашние партии, кроме кадетов, партии крупной буржуазии. Что и естественно, т.к. революция 1917 года была анти - буржуазной.

Итак, «работающая корпорация». Повторим, что на локальном уровне Советы в Советском Союзе сохранили некоторые свойства, рождённые революцией. После неграмотной «лапотной» России, несмотря на две опустошительные войны, что, во многом и привело к свёртыванию демократических тенденций – страна стала самой читающей в мире с громадным количеством высокообразованных людей. В развитии СССР было противоречие, подтачивающее наш «первичный социализм» изнутри. Создание предпосылок для широчайшего народовластия – и с другой стороны, жёсткий авторитарный режим. Но недаром, первое, что сделала буржуазная реставрация, придя к власти - ликвидировала институт народного контроля как таковой. Затем была расстреляна Советская власть танками Ельцина в 1993 году – заметим, что Советы не умерли естественной смертью.

Вторая отличительная черта революционных Советов – опора на структурированные сообщества: фабзавкомы на предприятиях, сельские сходы, комитеты самоуправления на территориях и в армии. Фактически опорой истинных Советов должна быть коллективная собственность, ассоциации производителей и служащих систем жизнеобеспечения, развитое местное самоуправление. Должна практиковаться соответствующая педагогика, приучающая молодое поколение, как к профессиональному, так и организационному труду.

Тут иные предпосылки властных полномочий, чем безликие территориальные округа для выборов, образованные из конгломерата атомизированных избирателей, ничем между собой не связанных. Общеизвестный факт – возможность манипулирования голосами электората с помощью полит-технологий для профессиональных политиков. Сбитые с толку избиратели нередко голосуют против собственных интересов либо вообще не участвуют в выборах, « не занимаются политикой». Но политика, согласно известному выражению, всегда занимается ими, и очень часто не в их пользу.

Ещё одно характерное свойство Советов. Депутаты и делегаты региональных съездов имели императивный мандат. Они выполняли указы избирателей, а не пускались в свободное плавание, забыв об электорате до следующих выборов. Депутат, клонившийся на нечестное лоббирование, мог быть отозван структурированным сообществом, его избравшим и внимательно следящим за действиями избранника и его голосованием по важным вопросам. Благодаря действующей системе отзыва депутатов за три-четыре месяца 1917 года большинство меньшевиков и эсеров в Советах сменилось их меньшинством.

Ситуацией овладели большевики. И сразу перешли к террору? Вовсе нет, если следовать историческим фактам, а не домыслам. Арестованные министры были отпущены за границу; контрреволюционный генерал Краснов выпущен на волю под честное слово, которое он тут же нарушил; участвовавшие в мятежах в Москве и Питере юнкера прощены, офицерам в Москве было даже оставлено личное оружие.

В народных судах принимались мягкие решения: к примеру, графиня Панина, виновная в припрятывании для мятежников казённых, «инвалидских» денег, находилась под домашним арестом и лишь была принуждена средства вернуть. После Октября председатель Совнаркома Ленин обратился по радио к полковым воинским комитетам и предложил им самим заключать перемирие с немцами. Так и было сделано. Только беспощадный «белый» террор и эсеровские мятежи заставили большевистское правительство перейти к «красному» террору.

Подведём итог: Советы являются новым словом в развитии представительной и непосредственной демократии, вобрав в себя лучшее, что было в прежних формах демократии. Почему же они не смогли противостоять подавлению со стороны партии-победительницы? Как уже было сказано, это связано с различными, объективными и субъективными факторами. Отметим, что возможность подавления законодательной власти распорядительной, в руках которой сосредоточены все ресурсы, в том числе и силовые структуры, есть первородный грех представительной демократии вообще, разделённой различными ветвями власти.

Преодолеть его можно при чётком подчинении исполнительной власти законодательной / разделение функций нужно / и ответственности исполкомов перед депутатами. При гражданском контроле за силовыми структурами возможно избежать военных мятежей и переворотов.. Кроме того, не должно быть постоянной «партии власти» как таковой. Она превращает выборные органы в фикцию, а народ отчуждает от организационного труда. По-моему глубокому убеждению, время обновлённых Советов ещё придёт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. Госполитиздат 1971-1975.
2. Миллер В.И Революция и Учредительное собрание. М. 1991г.

3. Минц И.И. История Великого Октября. М. «Наука» 1967-1978г.г. Т.1-3.
4. «Советы в Октябре». Сб. док. М. Изд-во Комм. Академии. 1928г.
5. Троцкий Л.Д. Уроки Октября Спб. Лениздат 1981г.
6. Биканин К.Т. «Теория господства, конфликтов Р.Дарендорфа» Самара 1997г.
7. Дарендорф Р. «Тропы из утопии» М. Праксис. 2002г.

Смысл революционной диктатуры пролетариата

*Пичурин Л.,
д.ф.н., ТУСУР*

В современных спорах о предпосылках, ходе и итогах Октябрьской революции постепенно, причем внешне не очень заметно, происходит своеобразный сдвиг, странное смещение ценностей, тем более странное, что через 90 лет после ленинского доклада на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7ноября) 1917 года, начинавшегося словами: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась», пора бы уже выделять в этих событиях основное, сущностное.

Но нет. Спорят о чем угодно - об уровне развития промышленного производства в Российской империи («стремительный подъем» - «непростительное отставание»), о столыпинской реформе («подготовлено развитие фермерского хозяйства» - «крестьянство окончательно ограблено»), о достоинствах последнего императора («образованнейший гуманный человек, святой страдалец» - «беспомощный и нерешительный правитель, не зря прозванный кровавым»), о материальной базе революции («всё это сделано на деньги Людендорфа» - «а как было проехать гражданам России через территорию воюющей с ней Германии, простите, «зайцами», что ли?»), был ли экипаж «Авроры» революционным и правильно ли называть холостой выстрел её баковой шестидюймовки залпом, что представлял собою военный гарнизон Петрограда, и т. д. и т. п. Спорят даже о самом слове «революция», с каким-то особым чувством восторгаясь тем, что и Ленин, и Сталин наряду с этим словом использовали и русское слово «переворот», т.е. использовали буквальный перевод латинского термина. Иначе говоря,